

Ткачев Петр Никитич

## Мужик в салонах современной беллетристики

Русская критика XVIII--XIX веков. Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности N 2101 "Рус. яз. и литература". Сост. В. И. Кулешов. М., "Просвещение", 1978.

OCR Бычков М. Н.

Выдающийся революционер-народник, неоднократно подвергавшийся арестам. Боролся с попытками ревизии наследства шестидесятников, в своих статьях старался развивать традиции Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Обратил пристальное внимание на роль экономических факторов в духовной жизни общества, стал употреблять терминологию, связанную с понятиями о классовой борьбе в обществе. За границей испытал некоторое влияние К. Маркса, но марксистом не стал. Главная установка Ткачева -- на критически мыслящие личности, способные поднять народ на восстание.

Статья "Мужик в салонах современной беллетристики", напечатанная в журнале "Дело" (1879, N 3, 6, 7, 8 и 9) за подписью Н. Никитин, отражает демократические устремления автора, приветствовавшего новых героев в литературе, народнический интерес к "мужику", развитие в нем сознания готовности на протест и борьбу.

Текст печатается с сокращениями по изд.: Ткачев П. Н. Избр. литературно-критические статьи. Ред., вступ. статья и прим. Б. П. Козьмина. М.--Л., "Земля и фабрика", 1928, с. 180--204.

### I

Салоны российской беллетристики спокон веку, т. е. с того самого времени, когда начальство соблаговолило разрешить их открытие, наполнились по преимуществу людьми отборного и благородного сословия. В первое время люди "подлого происхождения" совсем в них не допускались; даже на "бедных дворян", не говоря уже о разночинцах, смотрели косо, и, если двери салонов не всегда захлопывались перед самым их носом, если им иногда и дозволяли садиться рядышком с титулованными раздушенными и расфранченными призраками, долженствовавшими изображать собой представителей какого-то фантастического "большого света", то делалось это не столько из снисхождения к ним, сколько для вящего посрамления их убожества и для более яркого освещения прелестей и добродетелей великосветских героев и героинь. Впрочем, наши беллетристические салоны очень недолго могли сохранять этот призрачно-аристократический вид и характер: чуть только права и возможность упражняться в писательстве перестали быть исключительной монополией действительных и просто статских советников, князей и графов и, вообще, людей, умевших соединить служение музам с достижением высоких рангов, чуть только до "литературных дел" допущено было все вообще благородное дворянство без исключения титулов, чинов и количества душ, аристократический тон салонов начал быстро понижаться: великосветские призраки стали куда-то улетучиваться; их место заняли господа и госпожи, которые ни по своему происхождению, ни по своему общественному положению не могли иметь никаких аристократических притязаний.

В большинстве случаев это были мелкопоместные дворяне, чиновники невысокого полета, учителя, люди "вольных профессий" и т. п. Стали попадаться и купцы, и поповичи, и даже мещане; впустили и мужика, сперва, разумеется, переодетого, в костюме идилического пастушка, а потом и запросто: в сером зипуне и лаптях, а то и на босу ногу. Сначала, впрочем, мужика допускали в беллетристические салоны с тем расчетом, с каким в "оны дни" пускали в них бедных дворян, т. е. для вящего посрамления холопа и для возвеличения благородного сословия. Но вскоре к этому мотиву прибавился и другой: господам помещикам из либералов *понадобилось*, отчасти в интересах успокоения своей совести, отчасти в других еще более эгоистических интересах, -- понадобилось публично рекламировать свои гуманные сентиментально-поэтические чувства. Смешиваться с завзятыми крепостниками было как-то неловко, да и не совсем безопасно, а отказаться от крепостнических привычек и привилегий чересчур накладно и совсем неблагоприятно. Несравненно выгоднее и несравненно более разумнее было бы -- оставаться "в пределах власти", самым законом установленной, пользоваться этой властью с некоторыми сентиментальными всхлипываниями и воздыханиями, например, всыпая ослушному рабу положенное количество розог, бить себя в грудь, рвать на *себе* волосы, натирать до слез глаза и громогласно восклицать: "Ах, как жаль, как жаль!" Ведь подумаешь, тоже человек! Да и какой еще